

Мой друг Бенджамен

КУПИТИ

Чехов запевняв нас, що ніякої «дитячої» літератури не існує. Яка ж це дитяча? Скрізь тільки про шариків і барбосів, це якась собача література! - жартував Антон Павлович, намагаючись говорити якомога серйозніше. І сам же незабаром написав «Каштанку» і «Білолобого». Ось і ця книжка ніяк не може вважатися дитячою. Але це зовсім не означає, що діти її не зрозуміють. Є якісь речі, однаково близькі дорослим і дітям. Наприклад, тепле замшеве вухо або холодний веселий ніс того, хто завжди поруч із вами.

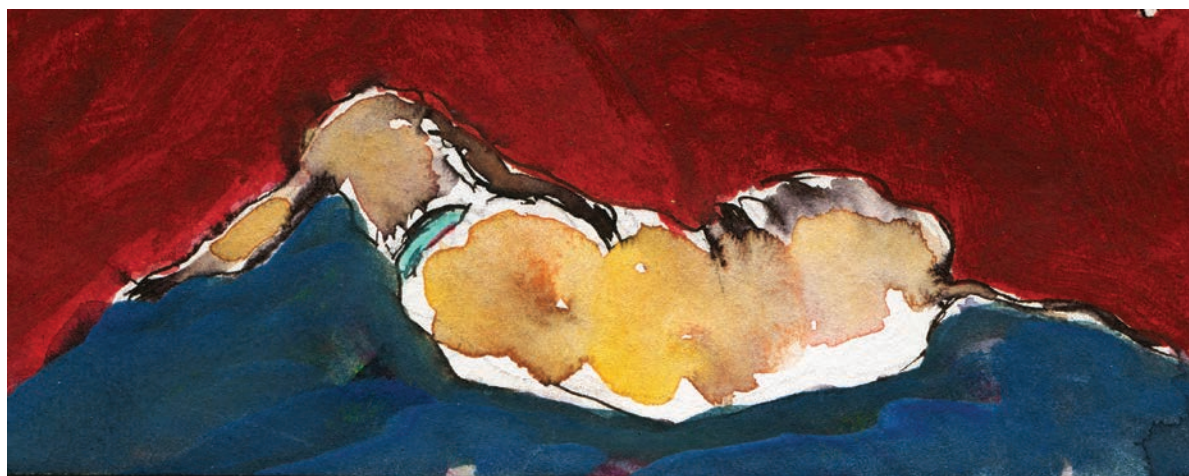
МОЙ ДРУГ БЕНДЖАМЕН

КАРИНЭ
АРУТЮНОВА

КАРИНЭ АРУТЮНОВА

МОЙ ДРУГ БЕНДЖАМЕН

Художник Каринэ Арутюнова

Киев
НАИРИ

УДК 821.161.1(477-32)
А86

Обложка – **Риос Солис Даниэль.**

Арутюнова К.
А86 Мой друг Бенджамен. / Худ. К. Арутюнова. – К. : НАИРИ, 2020. – 84 с., ил.
ISBN 978-617-7314-65-2

Чехов уверял нас, что никакой «детской» литературы не существует. Какая же это детская? Везде только про шариков и барбосов, это какая-то собачья литература! – шутил Антон Павлович, стараясь говорить как можно серьезней. И сам же вскоре написал «Каштанку» и «Белолобого». Вот и эта книжка никак не может считаться детской. Но это совсем не означает, что дети ее не поймут. Есть какие-то вещи, одинаково близкие взрослым и детям. Например, теплое замшевое ухо или холодный веселый нос того, кто всегда рядом с вами.

УДК 821.161.1(477-32)

ISBN 978-617-7314-65-2

© Каринэ Арутюнова
© Издательство «НАИРИ», Киев, 2020

Художнє видання

Каріне АРУТЮНОВА
МІЙ ДРУГ БЕНДЖАМЕН

Видавець: Наріне Мальцева

Підписано до друку 2 червня 2020. Формат 84×90/16. Шрифти Georgia, A Day Without Sun.
Ум. друк. арк. 7,35. Наклад 500 прим. Зам. №

Видавництво «НАІРІ»
02140, Київ, пр-т Бажана, 24/1–100
www.nairi.org.ua
nairi2005@ukr.net, (+38-044) 229-32-17
Свідоцтво ДК № 4805 від 05.12.2014 р.

Віддруковано ТОВ «ПЕТ» згідно з наданим оригінал-макетом
Свідоцтво ДК № 6847 від 19.07.2019 р.
61024, м. Харків, вул. Максиміліанівська, 17

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	4	Все-таки весна	45
Предтеча	5	Любовь	46
Пеленка	8	Свобода	49
День в ожидании	11	Давид и Пенелопа	51
Неудачное время	16	Лето	52
Собачий космос	16	Встреча	
Секрет	19	с куриным горлышком	53
Любовь — это то,		Она	54
что вы заслужили	20	Верочка	55
Цветочная пыльца	21	Курсы валют	58
Письма собачьему богу	22	Между сиренью и айвой	59
Последняя каденция августа	24	О времени и о любви	60
Осенний ноктюрк	26	Гармония	63
Болеро	27	Счастливый день	64
Иголки от ежика	28	Зато	64
Я взрослый	29	Ритуал	67
Скамейка	30	Прогулка	68
Мечтатель	32	Землетрясение	73
Время ежа и енота	33	Концерто grosso	75
О природе всего сущего	35	Сансара	77
Я расту	37	Тудой или судой	78
Первый снег	38	Объявление	80
Белый шум	39	День после дождя	81
Весенний натюрморт		И наконец... ..	83
в конце зимы	41	Эпилог	84

ПРОЛОГ

Моим таксам
посвящаю

ПРЕДТЕЧА

Расстояние от хвоста до глаз огромно. И ничтожно в то же самое время.

Все взаимосвязано. Достижения человеческого ума и тяготы телесного низа. Впрочем, отчего только тяготы? И удовольствия тоже.

Забавно и поучительно наблюдать за животными. В них нет диссонанса. Они не подвержены внезапным приступам пафоса. Они всегда голые. Голые и абсолютно искренние.

Как, например, моя такса Чили. Если Чили терзает башмак, то отдается этому занятию всем телом и душой. А если изнывает по косточке, то убедительней ее глаз...

Ее вихляющая походка не менее выразительна, чем юркий ноздреватый нос.

Глаза ее бывают скорбными, плутовскими, лицемерными, выжидающими.

А когда Чили тоскует, с ней тоскует весь мир. Начиная от вздыбленного половичка и заканчивая пропавшими без вести комнатными туфлями.

Если вы полагаете, что в жилах моей собаки течет голубая кровь, то ошибаетесь.

По сути, моя Чили — мещанка, существо суетливое и беспринципное. И обаятельно жадное. За мозговой костью она побежит, даже не обернувшись. Причем, глаза ее по-прежнему будут обманчиво преданными, лучистыми, искренними.

Чили уже немолода. Иногда она выразительно грустит о чем-то явно несбыточном. О каких-то упущенных возможностях и перспективах. Порой мы грустим вместе.

Я здесь, а она — там, на своем истерзанном половичке.

Говорят, мы похожи. Выражением глаз, суетливостью движений, общей судьбой.

Ну, и расстоянием, разумеется, тем самым, — «от» и «до».

Интересно, кем я была для нее? Той, живущей в боковой комнатке, стучащей лапами по столу, часами болтающей по телефону, бегущей по коридору с дымящейся кофейной чашкой? Той, которая то уныло-беспроектна, то непредсказуемо весела и полна необоснованных надежд?

А, может быть, я была той, чью ладонь помнит ее длинный хребет? Или той, которая часами бродила по пустырям и паркам или сидела на камне, вытянув ноги перед собой?

Кем я была? Кем была она? Подозревала ли о том, что она собака? Или же втайне полагала себя наследной принцессой, дочерью махараджи?

Душа таксы помещалась в ладони. Она была маленькая, теплая, дышала молоком и чем-то еще.

Вы знаете, чем пахнут щенки? Они источают аромат распускающихся почек, весны, земли. Пахнет от них лужами, апрельским солнцем, беспричинной радостью.

В чем измеряется жизнь? Ее можно измерить в таксах. Восемь, тринадцать, девять. Пять.

Вначале был Мартин. Мартин родил Арчи и Рони. Рони родил Лайлу.

* * *

Что у кого, а у нас — тишина. Впервые за много лет. Никто не лает, не цокает лапами по коридору, не скребется в дверь, не играет с косточкой, не скулит то жалобно, то требовательно, не опрокидывает стулья, не преследует пронзительным, мудрым, печальным, хитроватым лунатическим взглядом. Зрачок в зрачок.

Вчера обернулась к стоящему у торгового центра таксу, — черному как сапожная вакса, с буравчиками беспокойных глаз, — отчего-то я решила, что он потерялся, но после обратила внимание на тугую ремешок, нанизанный на колышек. В ответ на мое бесцеремонное внимание такс залился нервическим лаем. Точь-в-точь как моя Чили. заходясь всем своим несуразным телом, — от кончика хвоста до гладкого лба.

Мне ли не понять, о чем поют таксы?

— Не видишь, что ли, я тут не просто так, я тут на посту, жду одного замечательного человека, моего хозяина (хозяйку), — и мне немного тревожно и не по себе, потому что лапы мои примерзли к земле, хвост дрожит, и, вообще, вокруг полно чужих, совсем чужих людей, которые смотрят на меня, тычут пальцами, цокают языками и норовят коснуться моей шерсти.

Порой я отчетливо вижу, как весело бегут по залитым солнцем дорожкам все наши таксы, мальчики и девочки.

Мартин первый, Мартин второй, Рони, Арчи, Лайла, Глаша, Чили...

Никого не забыла? Ах, был еще Бред (совсем недолго, временно), и новорожденные Зося и Бася, которые там, в других семьях, обзавелись новыми именами и прожили с ними весь свой недолгий таксачий век.

Дом без такс стал слишком спокойным. Почти стерильным.

Никто не суетится под ногами, не тарахтит миской, не закатывает мячики под диван. Никто не прячет куриную ногу в шкаф, не елозит тряпкой по полу, не мордует плюшевого зайца с трагически обращенной к небесам мордой.

Однажды, в далекие времена, я придумала себе друга. Помните мультфильм «Варежка»?

Это был клубок красной шерсти, нанизанный на некий проволочный каркас. У клубка было имя, история, характер и даже недурственный аппетит. На улицу я его не выводила, но по дому таскала на веревочке и настойчиво тыкала мордой в блюдце с, допустим, молоком.

Наверное, это была предтеча.

Ведь у всякой истории есть предыстория. Предчувствие ее. Знаки. Многозначительные обстоятельства.

Например, некая точка вдалеке. Развевающиеся на ветру уши и цокот коготков по асфальту. Острый щенячий запах, сравнимый разве что с ароматом лопающихся почек или клейкой юной листвы.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

КУПИТИ